

Пётр Толочко

Сказание о начале Печерского монастыря и его автор

Со времен А. А. Шахматова, обосновавшего участие Никона Печерского в летописании и даже выделившего его авторский свод 1073 г., в исторической литературе утвердилось мнение, что именно ему принадлежит сказание о начале Печерского монастыря. Первоначально оно находилось якобы в летописной статье 1062 г., а затем перенесено позднейшим редактором в статью 1051 г.¹

Непредупрежденный анализ *Сказания* не позволяет принять этот вывод как безусловный. В тексте есть места, которые дают серьезные основания вообще сомневаться в том, что автором статьи был Никон Печерский. Рассказывая о пресвитере Иларионе, летописец заметил, что тот ходил с Берестового на Днепр, на холм, «кдѣ нынѣ ветхый манастырь Печерский»². Аналогично уточняется и место великой пещеры Антония: «Яже суть и до сего дне в пещерѣ подь ветхимъ манастыремъ». После передачи игуменства Варлааму, Антоний выкопал новую пещеру («еже есть подь новым манастыремъ»), в которой и умер. Далее летописец отмечает: «В ней же лежать мощѣ его и до сего дне»³.

Приведенные летописные уточнения, разумеется, не могли быть сделаны до 1073–1074 гг., когда еще не было нового Печерского монастыря, а следовательно и старый не мог называться «ветхим». Сообщение о мощах св. Антония и вовсе указывает на то, что статья писалась по прошествии значительного времени после его смерти (1073).

А. А. Шахматов, обратив внимание на эти летописные уточнения и понимая, что они никак не могут принадлежать Никону, объявил их позднейшими вставками, которые якобы внес в первоначальный текст статьи автор *Начального свода* (1095 г.). Почему он, а не автор «Повести временных лет», А. А. Шахматов не объяснил, как и не обосновал, почему эти уточнения вообще должно считать вставками. Текстологически и содержательно они не выпадают из общей канвы рассказа, а частая повторяемость свидетельствует скорее об их оригинальности. Описывая события, отдаленные от него значительным отрезком времени,

1 Шахматов А. А. *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*. СПб., 1908. С. 277, 444–448, 450.

2 *ПВЛ*. Ч. 1. С. 105.

3 *ПВЛ*. Ч. 1. С. 106.

летописец пытался уточнить их современными ему историко-топографическими ориентирами.

Совершенно невероятным для Никона есть и утверждение: «К нему же (Феодосию — *П. Т.*) и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и приять мя лѣтъ ми суцю 17 от роженья моего»⁴. Из Несторового «Жития Феодосия» известно, что великий Никон был одним из старейших сподвижников преподобного Антония и по его поручению осуществил обряд пострижения Феодосия. «Таче благослови и [Феодосия — *П. Т.*] презвитеру тому суцю и чьрнорызьцю искусьну, иже и поимъ блаженного Феодосия, и по обычаю святыхъ отць остригы и, облече въ мьнишьскую одежю»⁵.

Конечно, это утверждение не принадлежит Никону. Но кому? И насколько эта автобиографическая подробность кажется логичной в чужой статье? На первый вопрос А. А. Шахматов уверенно ответил, что летописец, говорящий о своем приходе к Феодосию, это составитель *Начального свода*⁶. Вторым вопросом он и вовсе не озаботился. Между тем, кажется мало вероятным, чтобы позднейший летописец сообщил о своем приходе к Феодосию не в своем оригинальном тексте, а в чужом, пусть даже и слегка подправленном.

Окончание летописной статьи 1051 г., как полагал А. А. Шахматов, принадлежит несомненно Никону. Несколько смутила его только заключительная фраза: «А о Феодосевѣ житиѣ паки скажемъ»⁷. «Что такое «паки»? — вопрошает А. А. Шахматов, — «Не предполагает ли оно непосредственного продолжения этой фразы рассказом о житии Феодосия? А между тем такого продолжения не находим»⁸.

Отсутствие житийного продолжения в статье 1051 г. навело А. А. Шахматова на мысль, что рассказ о начале Печерского монастыря утратил свое окончание. Какие-то отрывки его, как ему казалось, дошли до нас в статье 6582 (1074) года, где говорится об успении Феодосия, а что-то и вовсе оказалось утраченным⁹.

Такое объяснение кажется слишком сложным и искусственным. Во-первых, в статье 1074 г. говорится не о житии Феодосия, а об его кончине: «Скажем же о успеньи его мало». А во-вторых, совершенно нет оснований для утверждений, что какой-то позднейший редактор — составитель летописи — перенес вторую часть статьи 1051 г. в статью 1074 г. Она представляет собой вполне самостоятельный и очень подробный рассказ о последних днях Феодосия, его завещании монастырской братии, а также о его духовных единомышленниках. Где же и быть такому рассказу, как не в статье, сообщающей о кончине Феодосия. Наоборот, в статье 1051 г. этот панегирик был бы неуместен и неестественен.

4 ПВЛ. Ч. 1. С. 108.

5 Изборник. М. 1969. С. 102

6 Шахматов А. А. *Разыскания*. С. 446.

7 ПВЛ. Ч. 1. С. 103.

8 Шахматов А. А. *Разыскания*. С. 446.

9 Там же. С. 447, 451.

После сообщения о кончине Феодосия, летописец рассказывает о его сподвижниках и учениках Демьяне, Еремие, Матвее, Исакии, которые «яко свѣтила в Руси сияють». А. А. Шахматов полагал, что настоящее время глагола «сияют» свидетельствует, что автором рассказа был современник Феодосия и его еще живущих сподвижников. Вряд ли это убедительный аргумент. Печерские угодники «сияют» всегда, независимо от того, живы они или уже почили в Бозе. Демьян умер раньше Феодосия, о чем сказано в этой же статье. Не мог быть живым современником автора рассказа и Еремия, который «помняще крещенье земль Русьская». Матвей жил еще и при игуменстве Никона. Исакий умер не ранее 1088 г. и был похоронен игуменом Иоанном.

О позднем составлении житийных сказаний, содержащихся в летописной статье 1074 г., свидетельствует рассказ Матвея о том, как он однажды увидел на месте опоздавшего к службе игумена Никона осла. Конечно, невозможно предположить, чтобы такая оскорбительная запись появилась в монастырской летописи при жизни великого Никона. В рассказе об Исакии сказано, что он «от игумена Никона приимше рань». Нет сомнения, что и эта ангиниконовская выходка могла появиться в летописном тексте только после его смерти.

Из всего сказанного выше явствует, что автором кратких сказаний в статье 1074 г. не мог быть современник Феодосия. Заключительная часть похвалы черноризцам Печерского монастыря однозначно указывает на то, что составлялась она тогда, когда никого из выдающихся сподвижников Феодосия уже давно не было в живых. «Тази ти быша черноризци Феодосьева манастыря, иже сияють и по смерти, яко свѣтила, и молять Бога за сѣящую братью, и за мирьскую братью»¹⁰.

В Киево-Печерском патерике имеется прямое утверждение, что краткие сказания, помещенные в летописной статье 1074 г., принадлежат Нестору: «Яко же блаженный Нестор в летописи написа о блаженных отцах, о Дамьяне, Иеремии, и Матфеи, и Исакии». Д. С. Лихачев подчеркивал, что о Дамиане сходно с летописью повествуется и в Несторовом «Житии Феодосия», а следовательно, есть все основания утверждать, что, по крайней мере, эта часть «Повести временных лет» принадлежит Нестору¹¹. Сходство летописного и житийного повествований о черноризце Дамиане отмечал также и А. А. Шахматов¹².

Не убедительным кажется и предположение А. А. Шахматова о том, что рассказ статьи 1074 г. о Феодосии составлен Никоном на том основании, что он содержит подробную информацию, доступную якобы только современнику. Это было бы справедливо, если бы Никон был свидетелем последних дней жизни Феодосия. Но он таковым не являлся. В 1073 г. Никон вынужденно оставил Киев и вторично удалился в Тмутаракань. Вернулся в Печерский

10 *ПВЛ*. Ч. 1. С. 131. А. А. Шахматов объяснил все эти, невозможные для Никона, сведения, позднейшими вставками, и таким образом «спас» его авторство статьи 1074 г.

11 *ПВЛ*. Ч. 2. С. 408.

12 Шахматов А. А. *Разыскания*. С. 448.

монастырь только после смерти Феодосия. Следовательно, точное, почти протокольное, описание кончины игумена принадлежит не ему, а какому-то другому летописцу. Если предположить, что Никон воспользовался подробной информацией о смерти Феодосия, которая имелась в архиве Печерского монастыря, то почему тогда следует исключать аналогичную возможность для его более поздних коллег-летописцев?

Мысль о том, что так называемый летописный свод Никона 1073 г. является не его самоличным трудом, но совокупным с неизвестным соавтором, неоднократно приходила в голову А. А. Шахматову. Не случайно в ряде мест своих «Разысканий» он называет Никона «главным редактором» Печерской летописи 1051–1073 гг. Никон почти семь лет (с 1061 по 1068 гг.) жил в Тмутаракани и вряд ли был хорошо осведомлен о южнорусских событиях. Несомненно, в продолжение этого времени летописные записи в Печерском монастыре вел какой-то другой летописец.

Прийти к такому выводу А. А. Шахматова вынудило, в частности, содержание летописной статьи 1065 г. В перечне недобрых знамений летописец помещает и рассказ о том, как из киевской речки Сетомли рыбаки выволокли ребенка-уродца, свидетелем чему он, будто бы, был. «В си же времена бысть дѣтищь ввержень в Сѣтомль; сего же дѣтища выволокоша рыболове въ неводѣ, его же позоровахомъ до вечера, и паки ввергоша и в воду»¹³.

Никон в это время находился в далекой Тмутаракани и конечно же не мог наблюдать, как извлекали из Сетомли уродца. Это обстоятельство смутило А. А. Шахматова. Он даже высказал мысль, что статья 1065 г. «как будто не позволяет признать самого Никона составителем продолжения к Древнейшему своду»¹⁴. Однако из этого затруднения он вышел таким образом, что над летописью в Печерском монастыре работал и другой автор, а может, и не один, который говорит о себе, что смотрел на извлеченного из Сетомли уродца¹⁵.

Наверное во времена Никона в Печерском монастыре трудился не один летописец, но только основанием для такого утверждения не может быть статья 1065 г. Сообщение «позоровахомъ до вечера» не говорит о том, что на это срамное зрелище любовался в продолжение целого дня благочестивый печерский монах — коллега Никона. Это, несомненно, воспоминание о своем детском впечатлении, записанное в зрелом возрасте. И если это действительно так, то ни Никон, ни его неизвестный соавтор к этому сообщению не причастны. Им был более поздний летописец, который в 1065 г. пребывал еще в детском возрасте. Таким образом, в своде 1073 г. мы дважды столкнулись со свидетельством очевидца и оба они не принадлежат Никону. А. А. Шахматов, вероятно,

13 ПВЛ. Ч. 1. С. 110.

14 Шахматов А. А. *Разыскания*. С. 431.

15 Там же. С. 432.

на основании того, что подобное авторское присутствие встречается и в *Начальном своде*, склонен был видеть в этом составителя последнего.

Приоритет авторства свидетельских показаний составителя *Начального свода* ставит под сомнение летописная статья 1091 г. Она определенно написана другим летописцем. В Киево-Печерском патерике аналогичный (хотя и не абсолютно идентичный) рассказ — «Сказание об обретении и перенесении мощей Феодосия Печерского» — приписан монаху Печерского монастыря Нестору¹⁶. И в летописи, и в «Сказании» рассказ ведется от первого лица. После принятого на монастырском совете решения о перенесении мощей преподобного Феодосия в Успенский собор, игумен Иоанн поручил выполнение этой ответственной работы наиболее доверенному лицу. Даже если бы у нас не было свидетельства Патерика, логично было бы предположить, что Иоанн обратился к Нестору, составившему, или, что вернее, трудившемуся над составлением жития Феодосия. «Его же (игумена — П. Т.) повелѣнью бых азъ грѣшныи первое самовидецъ, еже скажу, не слухомъ бо слышавъ, но самъ о семь началнию»¹⁷. Сходное в деталях описание поиска могилы Феодосия и ее раскопок не оставляет сомнения в том, что летописная статья 1091 г. и «Сказание», содержащееся в Патерике, написаны одним автором. Д. С. Лихачев совершенно обоснованно полагал, что введение к летописному рассказу от первого лица указывает на характерную манеру Нестора, которая отличает и его житийные произведения¹⁸.

Действительно, внимательное прочтение текстов, которые бесспорно принадлежат перу автора «Повести временных лет», убеждает, что именно для этого свода наиболее характерен такой стилизованный летописный прием, как историко-топографические привязки событий и свидетельства очевидца. Когда в 1096 г. на Печерский монастырь напали половцы, автор этого рассказа отдыхал вместе с братией после церковной службы. «И придоша на манастырь Печерскыи, намъ сущимъ по кѣльямъ почивающимъ по заутрени»¹⁹. Сообщение 1106 г. о смерти старца Яня, скончавшегося в 90 лет, сопровождается следующей справкой: «Живъ по закону Божью, не хужии бѣ первыхъ праведник. От него же и азъ многа словеса слышах, еже и вписахъ в лѣтописаньи семь»²⁰. Свидетельством современника помечена также статья 1107 г. об удачном походе Святополка Изяславича на половцев и его молитве в Печерском монастыре.

Справочные ремарки особенно характерны для недатированного вступления к «Повести временных лет». Говоря о приходе апостола Андрея к словенам, летописец уточняет: «Идеже нынѣ Новгородъ». Один из братьев — основателей

16 «Нестора, мниха монастыря Печерскаго, о принесении мощемъ святаго преподобного отца нашего Феодосия Печерскаго августа 14. Слово 9». *Патерик Киевского Печерского монастыря*. СПб., 1911. С. 58.

17 *ПВЛ*. Ч. 1. С. 138.

18 *ПВЛ*. Ч. 2. С. 416.

19 *ПВЛ*. Ч. 1. С. 151.

20 *ПВЛ*. Ч. 1. С. 185.

Киева Щек «сѣдяще на горѣ, гдѣ ж ныне зовется Щекавица». Срубленный князем Кием городок на Дунае «еже и донинѣ наречують дунаице городище Киевецъ». Рассказ о борьбе славян с аварами завершается фразой: «И есть притча в Руси и до сего дне: погибоша аки обрѣ». Тиверцы сидели по Днепру и до самого моря, свидетельством чему есть их города: «И суть грады их до сего дне». Рассказ о нечестивых амазонках иллюстрируется летописцем жизнью современных ему половцев: «Яко же се и при нас нынѣ половцы законъ держать отецъ своих».

Не правда ли, все приведенное выше очень напоминает то, с чем мы встречаемся и в статье 1051 г.? Так же расставлены современные летописцу историко-топографические и смысловые вехи, и тот же прием авторских объяснений к описываемым событиям. Кое-что имеет и редакционно-стилевое сходство. Статья 1051 г.: «Се же написахъ и положихъ, в кое лѣто почаль быти монастырь». Статья 1106 г.: «От него же и азъ многа словеса слышах, еже и вписах в лѣтописаньи семь». То же находим и в «Житии Феодосия»: «Се бо, елико же выше о блаженнемъ и велицемъ отци нашемъ Феодосии испытыва, слышахъ от древнихъ отецъ, бывшихъ въ то врѣмя. То же и вписахъ азъ грѣшныи Нестеръ»²¹.

Очень характерен для «Жития» и прием авторских уточнений. Новая пещера Антония определяется тем местом, «идѣже и нынѣ честное его тѣло лежитъ». Рассказ о заложении нового монастыря завершается замечанием: «Се же и донинѣ есть Печерскыи монастырь». Феодосий уединялся на молитву в пещеру «идѣже честное его тѣло положено бысть».

Выше уже говорилось, что А. А. Шахматов был сильно смущен заключительной фразой статьи 1051 г.: «Я не могу понять слова «пакъ», — сокрушался он, — это «опять», «еще» в значении «инѣде» (в другом месте) или «по семь»²². Не вполне справился с интерпретацией слова «пакы» и Д. С. Лихачев. Не исключив того, что это слово имеет значение отсылки к статье 1074 г., он одновременно высказал и другое предположение, согласно которому «Житие Феодосия» действительно содержалось в «Повести временных лет» или в предшествующем ей своде, но было затем опущено кем-то из летописцев²³.

Думается, что исследователи придали заключительной фразе статьи 1051 г. излишнюю загадочность. Смысл ее простой и ясен. Автор *Сказания* о начале Печерского монастыря завершил его обещанием позже написать житие Феодосия. И вряд ли это житийное сказание задумывалось как продолжение летописной статьи 1051 г. По своему жанру оно не могло быть вписано в летописную стилистику, а должно было представлять самостоятельное церковное произведение. Скорее всего, «Житие» никогда и не было в составе летописных сводов.

21 *Патерик Киевского Печерского монастыря*. С. 57.

22 Шахматов А. А. *Разыскания*. С. 446.

23 *ПВЛ*. Ч. 2. С. 387.

По-видимому, близкое по смыслу летописное замечание содержится и в статье 1074 г. «Скажемъ же о успеньи его (Феодосия — П. Т.) мало». Почему мало? Да, видимо, все потому же: много летописец, видимо, собирался сказать в отдельной житийной повести.

В данном исследовании, разумеется, нас больше интересует не то, было или не было «Житие Феодосия» в составе летописи, а то, можно ли отнести на счет авторства Нестора не только его, но и *Сказание* о начале Печерского монастыря, помещенное в летописной статье 1051 г.

Исследователи, пытавшиеся вообще поставить под сомнение участие автора житийных сказаний, монаха Печерского монастыря Нестора, в составлении русской летописи, аргументируют это совершенно разной стилистической манерой изложения, наличием разночтений в «Повести временных лет» и «Житии», а также тем, что его участие в летописании засвидетельствовано только в Патерике²⁴. Что касается приемов творчества, то они диктовались жанром произведений. «Житие» писалось по одним канонам, а летопись по другим. Не знай литературоведы, что «История Пугачева» написана А. С. Пушкиным, наверное, сбились бы с ног в поисках ее автора. Более существенным кажется вопрос о разночтениях. А. Г. Кузьмин насчитал десять таких расхождений между «Житием Феодосия» и летописью. Конечно, это серьезно, но если бы он попытался выполнить ту же работу на творчестве кого-либо из летописцев, таких разночтений было бы гораздо больше²⁵.

Нет сомнения, что «Житие Феодосия» писалось как литературное произведение и это не обязывало его автора к протокольно-точным записям и формулировкам. К тому же, у нас не может быть уверенности в том, что все эти разночтения не появились в результате редакции летописи, скажем, тем же Сильвестром Выдубицким или кем-то еще. Ведь знаем, что «Повесть временных лет», независимо от того, кто был ее автором, не сохранила свою первоизданную оригинальность.

Существенным расхождением между «Житием Феодосия» и летописной статьей 1051 г., которое ставит под сомнение их принадлежность одному автору, является сообщение о времени его прихода в монастырь. В статье он утверждает, что пришел в 17 лет к Феодосию, а в «Житии», что это было при игумене Стефане. «Приатъ же быхъ въ нь [монастырь — П. Т.] преподобнымъ игуменомъ Стефаномъ, яко же отъ того постриженъ бывъ, и мнишескиа одѣжи сподобленъ, пакы иже на диаконский санъ возведенъ сый от него»²⁶.

24 Кузьмин А. Г. *Начальные этапы древнерусского летописания*. М., 1977. С. 133–135; Толочко О. П. Нестор-літописець: біля джерел однієї історіографічної традиції. *Київська старовина*. 1996. № 4/5. С. 11–35.

25 Мнимость некоторых расхождений между летописной статьей 1051 г. и «Житием Феодосия» убедительно показал Д. С. Лихачев. *ПВЛ*. Ч. 2. С. 386–387.

26 *Патерик*. С. 57–58.

Здесь необходимо внести ясность в два историографических стереотипа, кочующих из работы в работу. Во-первых, вопреки утверждению историков, автор летописной статьи 1051 г. не говорит о своем пострижении в монастырь преподобным Феодосием. Приход в монастырь и пострижение в нем события не одновременные. Об этом свидетельствует сам Нестор в «Житии Феодосия». Согласно ему, человек, пришедший в монастырь, какое-то время привыкал к монастырским порядкам и ходил в своих одеждах. Затем его одевали в монашеское платье и испытывали трудными церковными службами. Только после всех этих испытаний осуществлялся обряд пострижения в монастырь и облачения в монашескую мантию²⁷. Во-вторых, автор «Жития Феодосия» нигде не утверждает, что он не видел Феодосия, он только говорит, что его принял и постриг в монастырь Стефан.

Не исключено, что в этом пространным житийном сообщении содержится ключ к разгадке расхождения между летописью и «Житием». В монастырь Нестор пришел еще при Феодосии, возможно уже перед самой его кончиной, но был препоручен Стефану, который и произвел над ним через какое-то время обряд пострижения. Еще позже, когда Стефан был игуменом, он высветил Нестора в диаконы. Разумеется, у нас нет полной уверенности, что так все и было на самом деле, но думаем, что так могло быть. Если бы преподобный Феодосий сам описал свой приход в Печерский монастырь и пострижение в нем, то он бы отметил, что принял его Антоний, а обряд пострижения совершил Никон. И если бы это сообщение оказалось разорванным в составе двух разных текстов, наверное, последующие историографы столкнулись бы с аналогичными затруднениями в определении их авторства.

Вряд ли есть достаточно оснований относить определение Несторова авторства «Повести временных лет» только на счет патриотизма позднейших печерских книжников. Какой смысл был в этом? Разве им было не все равно, если бы этим автором явился, скажем, Иоанн или еще кто-то из печерской братии? Больше всего в этом подозревается Касиан, дважды редактировавший Патерик в 60-х годах XV в. и приписавший монаху Нестору ряд повестей, в том числе и о начале Печерского монастыря. Исследователи справедливо сомневались, что у Касиана были какие-то древние тексты с авторством Нестора, однако, думается, неоправданно распространили свое сомнение и на его причастность к летописанию вообще. В Арсеньевской редакции, дошедшей до нас в рукописи 1406 г., об этом сказано вполне определенно: «Нестерь, иже написа лѣтописецъ». Д. И. Абрамович считал эту приписку вполне авторитетным свидетельством того, что Нестор имел какое-то отношение к нашему древнему летописанию²⁸. Это тем более справедливо, что редакция эта, как полагают исследователи, вполне может соответствовать оригиналу XIII в.

27 Там же. С. 28.

28 Абрамович Д. *Кисво-Печерський патерик*. К., 1930. С. 126.

Теперь еще раз обратимся к заключительной фразе летописной статьи 1051 г., в которой содержится загадочное слово «пакы». Этот церковнославянизм, означающий «после», «затем», «потом», не очень характерен для светских текстов. В летописи он встречается нечасто: с 1051 по 1110 годы не более восьми раз²⁹, зато в Несторовом «Житии Феодосия» употреблен более сорока раз. Никакая другая из последующих житийных повестей не отмечена такой ритуальной приверженностью ее автора к слову «пакы». Исходя из этого, можно предположить, что статьи «Повести временных лет», помеченные словом «пакы» (1051, 1065, 1068, 1074 гг.), принадлежат Нестору, или же испытали его редакторское вмешательство. Ещё одним маркером подобного рода оказываются обороты, включающие в себя словосочетание «мало нѣчто»³⁰. Этими чрезвычайно редкими в летописи словосочетаниями помечены исключительно сюжеты о Феодосии в статьях 1074, 1091 и 1110 г.: «повѣмъ / реку нѣчто мало / мало нѣчто» встречается только в статье 1091 г. о перенесении мощей Феодосия; «показаютъ нѣчто мало видѣнья» — только в статье 1110 г., повествующей о чуде над гробом Феодосия; «скажемъ мало» — только в статье 1074 г. об успении Феодосия³¹.

Перед «Житием Феодосия» в Патерике расположено сказание «Чего ради прозвася Печерский монастырь», автором которого назван Нестор. Его окончание: «Приидох же азъ к нему, худый и недостойный рабъ Нестерь и приять мя, тогда ми сущю 17 от рожения моего»³² — практически идентично тому, которое содержится в статье 1051 г. Д. С. Лихачев полагал, что оба текста сопоставимы³³. Разумеется, это тождество не может иметь определяющей доказательной силы, однако и не принимать его в расчет вовсе при выяснении вопроса об авторстве летописной повести о начале Печерского монастыря тоже нельзя.

Еще одним и, как казалось А. А. Шахматову, непреодолимым препятствием к отнесению летописного сказания о начале Печерского монастыря на счет Нестора является то, что в нем основателем обители выступает Антоний, тогда как «Житие Феодосия» таковым считает Феодосия³⁴. Аргумент действительно серьезный, и, не будь в летописной статье 1051 г. другой информации, с ним можно было бы и согласиться. Но сам же А. А. Шахматов отметил, что в

29 Точнее, на отрезке 1051–1091 гг. слово встречается 13 раз. При этом, 5 случаев (!) приходится на статью 1065 г., повествующую, среди прочих чудес, и об уродце, выловленном из Сетомли (см. Творогов О. В. *Лексический состав «Повести временных лет»* (Словоуказатели и частотный словарь). К., 1984. С. 102).

30 Частотность употребления наречия «мало» в текстах о Феодосии довольно показательна. Вообще это наречие в ПВЛ употреблено чуть больше 20 р. Из них — 4 раза в статье 1074 г., 3 раза в статье 1091 г. и ещё один раз — в статье 1110 г.

31 Крайне редким оказывается и слово «нѣчто». В «Повести временных лет» оно употреблено всего четыре раза — три в приведенных выше примерах. Ещё один раз в статье 1071 г., записанной летописцем со слов старца Яня.

32 *Патерик*. С. 14.

33 *ПВЛ*. Ч. 2. С. 386.

34 Шахматов А. А. *Разыскания*. С. 269–270.

Сказании не назван игумен, который поставил «церковь велику, и манастырь огородиша столпеемъ, кельѣ поставиша многы»³⁵. Из буквального смысла сказания следует, что этим игуменом был не Феодосий, а Варлаам, но имени его здесь нет. Заслуга поставления монастыря целиком отдана Антонию и монастырской братии. А. А. Шахматов видел в этом тенденциозность позднейшего редактора, что похоже на правду.

Вопрос только в том, кто был этот тенденциозный редактор? А. А. Шахматову казалось, что таковым следует считать все того же составителя *Начального свода*, но убедительных аргументов в пользу этого предположения не привел. Значительно больше оснований полагать, что этим «редактором» был Нестор. В пользу этого свидетельствует вся вторая часть сказания, в которой основателем монастыря по существу выступает Феодосий. На вопрос Антония, кого бы хотела братия себе игуменом, последовал ответ: «Кого хочет Бог и ты». Выбор Феодосия, таким образом, был не только выбором Антония, но и Божьим промыслом, оказавшимся особенно благодатным для монастыря. В момент избрания Феодосия братия насчитывала 20 монахов, его стараниями она увеличилась до 100. Феодосий озаботился также и тем, чтобы Печерская обитель обрела монастырский устав, который был списан из устава Студийского греческого монастыря, принесенного в Киев монахом Михаилом. Летописец определенно ставит это в заслугу Феодосию: «Феодосий все то избобрѣтъ, предасть монастырю своему»³⁶.

От Печерского этот устав был позаимствован другими русскими монастырями, что ставило его в особое положение как старейшего и наиболее почитаемого. Заключительная фраза о благодатных деяниях игумена Феодосия — «Феодосъ-еви же живуццо в манастыри, и правяццо добродѣтельное житѣе и чернечское правило» — фактически равнозначна утверждению об основании им монастыря. До игуменства Феодосия печерские холмы были местом индивидуального пустынножительства, при нем возникла монастырская обитель со своим уставом и правилами. В «Житии» Нестор говорит об этом еще более определенно: «И оттоле Божиюю благодатию возрасте мѣсто то и бысть монастырь славень: се же и донынѣ есть, Печерьскый монастырь наричаемъ, иже от святаго отца Феодосия съставлень есть»³⁷.

Выше слово «редактор» применительно к Нестору взято в кавычки. Проведенный текстологический анализ статьи 1051 г. убеждает, что его участие в составлении сказания о начале Печерского монастыря не ограничилось только редакцией (по-видимому, весьма существенной) текста предшественника. Есть все основания считать, что летописная статья была дополнена его оригинальным текстом о заслугах Феодосия перед Печерским монастырем.

35 *ПВЛ*. Ч. 1. С. 106–107.

36 *Патерик*. С. 28.

37 *Патерик*. С. 28.

Подводя итог сказанному выше, можно со значительной долей вероятности утверждать, что летописная статья 1051 г. (если и не целиком, то в значительной части) была написана тем же самым Нестором, который затем составил и «Житие Феодосия». Сомнения А. А. Шахматова и других авторитетных исследователей летописи о непричастности Нестора-агиографа к летописному сказанию, как и к летописанию вообще, могли бы претендовать на убедительность, если бы историческая письменность времен Киевской Руси не сохранила труда, заявленного в статье 1051 г. Но обещанное летописцем «Житие Феодосия» есть, и он сам позаботился о том, чтобы современники и потоки знали его имя.

Інститут археології НАН України